

*С.Н. Синегубов***Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904–1911 гг.**

Ключевые слова: военно-морская гонка вооружений, германо-английское морское соперничество, угроза войны.

Key words: navy military race, German-English navy competition, a threat of war.

К началу XX в. отношения между Германией и Великобританией были отягощены целым рядом проблем, главной из которых считалась военно-морская. Она возникла на рубеже XIX и XX вв. как следствие обострения экономических противоречий между двумя странами [1, с. 153–157, 161–171, 180–185] и принятия Германией флотских законов 1898 г. [2, с. 38–41; 3, с. 25] и 1900 г. [4, с. 193] с целью создания мощных военно-морских сил для защиты собственных экономических и политических интересов [5]. Сразу же после 1900 г. в английских газетах, особенно специализирующихся на военной и морской тематике, с постоянной периодичностью начали публиковаться статьи, в которых делались призывы «копенгагировать» строящийся германский флот [6, с. 71], т.е. поступить точно так же, как в 1801 г., когда британский флот во время войны против наполеоновской Франции в 1801 г. напал на стоявшие в бухте Копенгагена корабли Дании, придерживавшейся абсолютного нейтралитета, и уничтожил их [7]. Собственно говоря, уже с этого времени британские власти приступили к использованию приемов «военной паники» [8, с. 77], чтобы обосновывать перед парламентом необходимость увеличения расходов на отечественные военно-морские силы (это достаточно легко проследить, если сравнить, скажем, финансирование британского флота за несколько лет, например с 1900 по 1904 г. Эта сумма выросла с 26594000 фт. ст. до 35 750000 фт. ст.) [9, с. 80; 10, с. 119], а также с целью давления на Германию. Специальных аргументов при этом приводить не было особой нужды, поскольку в Германии открыто печатались материалы с обоснованием необходимости вторжения на британские острова [8, с. 77].

Надо сказать, что военно-морской статс-секретарь А. Тирпиц как главный идеолог нового германского флота, а также кайзер Вильгельм II вполне серьезно относились к грозным заявлениям с другой стороны Ла-Манша [11, с. 45–50]. Неудивительно, что одним из часто повторяемых выражений морского министра было: «держат язык за зубами и строят корабли» [12, с. 31–59]. По мнению ряда западных историков, с 1902 г. антигерманские настроения стали проявляться

все в большей и большей степени во внешней политике Великобритании, что обуславливалось серьезной обеспокоенностью ростом германского флота [13, с. 175–176; 14, с. 68]. С приходом в Адмиралтейство на должность первого лорда Дж. Фишера в конце октября 1904 г. «немецкая угроза» была окончательно осознана, и стали предприниматься полномасштабные меры по противодействию ей. В частности, началась перегруппировка главных морских сил Великобритании, перевод кораблей из Средиземноморья в воды метрополии [15, с. 313]. Первый опасный кризис на грани войны в германо-английских отношениях отмечен в конце 1904 г. Тогда между двумя странами возникли сложности из-за отношения к России, находившейся в состоянии войны с союзницей Великобритании Японией. Лондон был сильно раздражен «благожелательной позицией» Берлина к русским, выражавшейся в том числе и в снабжении углем эскадры контр-адмирала Рожественского, шедшей из Кронштадта на Дальний Восток для участия в боевых действиях [11, с. 65–68]. Фишер предложил Эдуарду VII нанести удар по немецкому флоту и уничтожить его [15, с. 316]. 2 февраля 1905 г. гражданский лорд Адмиралтейства Артур Ли прямо угрожал нанесением удара «прежде, чем другая сторона (имелась в виду Германия. – С.С.) получит время прочесть в газетах об объявлении войны» [16, с. 197; 17, с. 32]. Напряженность и ожидание английского удара растянулись почти до конца года, и апогеем их стало частичная мобилизация германского флота и отзыв Вильгельмом II из Лондона посла П. Меттерниха в ноябре 1905 г. [16, с. 131]. Хотя в конечном итоге конфликт был разрешен, но в нем выпукло отразилась непримиримость сторон по флотской проблеме и настроенность англичан при необходимости прибегнуть к военным методам ее решения.

Ситуация в морской сфере еще более ухудшилась, когда Великобритания, пытаясь «оторваться» от нового опасного соперника [18, с. 139], создала в 1905–1907 гг. более совершенные в военно-техническом отношении корабли линейного типа «Дредноут» и «Инвинсибл» [19, с. 30; 20, с. 407–431; 21, с. 59–63]. Такой шаг привел к определенному нивелированию очевидного преимущества, который англичане имели перед немцами до «дредноутской революции». По данным североамериканского журнала «Scientific American», на 1 июня 1905 г. это превосходство по разным типам кораблей достигало от 2-х до 21-го

раза [22, с. 3]. Ответным ходом Германии стал собственный «дредноутский скачок», выразившийся в дополнении флотского закона 1900 г. новеллой 1906 г. [23, с. 142–144], вызвавшей настоящий переполох на британских островах [24, с. 29]. Взятый немцами темп военного судостроения заставлял британцев напрягать все свои силы, чтобы удержать прежнее превосходство. Можно сказать, что морская гонка вооружений по новейшим линейным кораблям дредноутного типа началась с «чистого листа» [25, с. 228–229]. При этом англичане практически не обращали никакого внимания на то, что американцы, японцы даже чуть раньше, чем немцы, перешли к строительству подобных типов судов [26, с. 237–238]. Новая идеология маринизма, в основе которой лежала теория американского адмирала А. Т. Мэхэна [27, с. 622–623], охватила ведущие морские державы мира [28, с. 358–359]. Для англичан вся проблема заключалась в том, что под самым их боком появилась молодая военно-морская держава, которая, как они считали, нарушила «традиционный баланс сил» в Европе и пытается оспорить их доминирующее положение на море и в целом на земном шаре. Более того, в росте германского флота они увидели даже угрозу национальной безопасности своей страны. Поэтому неудивительно, что в 20-страничном меморандуме королю Эдуарду VII одного из представителей британского министерства иностранных дел Э. Кроу прямо говорилось о Германии как «о враге №1» [29, с. 397–420].

Слегка приглушенная напряженность 1904–1905 гг. вновь дала о себе знать в конце 1906 г. и в начале 1907 г. Дипломатическое поражение Германии на Альхесирасской конференции по Марокко в 1906 г. от коалиции европейских держав во главе с Англией, а также мощная антигерманской кампании в британской прессе ввиду начинавшегося немецкого дредноутского строительства вызывали в Берлине ощущение предстоящего нападения англичан [16, с. 1]. 18 февраля 1907 г. в верхней палате британского парламента очень эмоционально обсуждался вопрос о безопасности Англии, и лорды требовали чаще проводить маневры флота в Северном море, чтобы продемонстрировать лишний раз силу германскому соседу. 13 марта 1907 г. германский военно-морской атташе К. Керпер поставил в известность свое руководство о докладе некоего капитана Слэйда в палате общин, в котором излагался один из планов ведения войны против Германии [30]. В Берлине не могли спокойно реагировать на подобные заявления. Кайзер открыто выражал свое возмущение антигерманским настроением английской прессы. В свою очередь, Грэй считал, что британские издания «практически говорят шепотом, по сравнению с тем, как кричат германские газеты и журналы на англичан» [16, с. 12–13]. Апогеем ожидания войны стал апрель 1907 г. О возможности военных действий говорили сообщения поверенного в делах

В. фон Штумма и военного атташе в Лондоне майора Остертага [31]. Показателем серьезного беспокойства немцев стало падение ставок на шесть пунктов на Берлинской фондовой бирже. По замечанию британского посла Ф. Лассэля, «началось просто настоящее сумасшествие в связи с якобы приближающейся войной между Англией и Германией» [16, с. 28]. Причем в этом были уверены не только германские, но и австро-венгерские политики [16, с. 36–37].

С целью выиграть время и сохранить имеющееся флотское преимущество Лондон предложил Берлину договориться об ограничении морских вооружений. Британцы это обосновывали тем, что для их островного государства флот является единственной защитой национальной безопасности, в то время как Германия в большей степени защищается сухопутной армией [16, с. 130–131]. Добиться этого в рамках II мирной конференции в Гааге в 1907 г. англичанам не удалось [32, с. 273–299; 33, с. 191–198]. Неудивительно, что в политике Лондона в отношении Германии в еще большей степени стали проявляться черты прессинга с тем, чтобы вынудить немцев если не отказаться, то хотя бы притормозить реализацию флотского закона. Серьезным показателем роста напряженности между двумя странами стали события, произошедшие в марте – в начале апреля 1908 г. Тогда в британском парламенте шло обсуждение морского бюджета на 1908/09 г., а в Германии завершалась работа по утверждению рейхстагом второй флотской новеллы 1908 г.

Ход дебатов в палате общин и в палате лордов показал, что британское политическое и военно-морское руководство без каких-либо оговорок стало рассматривать Германию как соперника №1 [16, с. 146]. В посланиях Меттерниха рейхсканцлеру Б. Бюлову от 8 и 10 марта 1908 г. указывалось, что на британских островах и либералы, и консерваторы были едины в том мнении, что германский флот представляет реальную угрозу для Англии. Тем более, как он писал, это убеждение окрепнет после официального принятия рейхстагом флотской новеллы [34, с. 44–45]. Кроме того, посол отмечал еще одну очень значимую деталь в настроении правящих британских кругов – «до сих пор у них не было намерений силой воспрепятствовать строительству германского флота, теперь же ситуация может измениться» [34, с. 45]. Наконец, впервые в английском парламенте при обсуждении морского бюджета депутаты, вне зависимости от их партийной принадлежности, были согласны с тем, что при планировании финансирования необходимо учитывать в первую очередь развитие германского флота [34, с. 48]. Раньше при решении вопроса о размере выделения бюджетных средств на содержание британских военно-морских сил, по словам германского посла, «просто делались абстрактные указания на морские вооружения других держав».

6 апреля 1908 г. в Германии была принята очередная флотская новелла, которая узаконивала так называемый четырехтактный темп военного судостроения с 1908 по 1911 г. и снижала срок службы кораблей всех классов до 20 лет [35, с. 190; 36, с. 23, 226]. По новому дополнению к флотскому закону 1900 г. немцы собирались строить в основном линейные корабли как главную ударную силу флота. Этот очевидный факт, а также то, что германские строительные планы на тот год превосходили английские проекты, не могли не повлиять на состояние германо-английских отношений. В британских газетах вновь замелькали статьи с предупреждением о возможном нападении Германии [37, с. 144]. Страну стала захлестывать очередная волна ожидания войны, в том числе и под влиянием публикаций о брошюрах «по вторжению в Англию», активно печатаемых и распространяемых во втором рейхе [16, с. 148]. Нервное состояние испытывали не только простые британские обыватели, но и военные специалисты, влияя соответствующим образом на политическое руководство страны. Так, в донесении английского военного атташе в Берлине полковника Тренча 27 апреля 1908 г. прямо говорилось о подготовке Германии к вторжению. Причем, по его словам, это будет сделано неожиданно, без каких-либо предварительных заметных признаков, которые позволили бы британцам подготовиться к отражению подобной атаки [16, с. 146–148]. Британский министр иностранных дел Э. Грэй считал вполне обоснованным такое утверждение Тренча [16, с. 149]. Серьезная озабоченность в Виндзоре и на Даунинг-стрит объяснялась еще и тем, что там прекрасно понимали логику новеллы 1908 г.: после 1911 г., как там считали, обязательно последует новый флотский законопроект с тем, чтобы восстановить утерянный «трехтактный темп» [16, с. 73]. Все это расценивалось не иначе, как попытка Германии оспорить доминирующее положение Великобритании на море. В результате на британских островах произошел очередной всплеск антигерманских настроений. Летом 1908 г. под впечатлением всех публикаций в английской прессе, направленных против Германии, Тирпиц вынужден был составить меморандум. В нем он категорически отрицал намерение немецкого правительства создать по силе такой же флот, какой есть у британцев. Единственная цель всей флотской политики его страны, по заявлению морского министра, заключается лишь в формировании таких военно-морских сил, которые заставят Великобританию удержаться от нападения на Германию в виду серьезных для нее последствий [38]. Однако подобные объяснения не могли успокоить англичан. Поэтому под эмоциональным воздействием от принятой немцами флотской новеллы Эдуард VII первоначально от-

казался от запланированного визита в Германию и потребовал от либерального кабинета форсировать флотское строительство [24, с. 29]. Фишер и другие радикально мыслящие высшие военно-морские чины и политики вновь вернулись к теме превентивного удара по германскому флоту [16, с. 197]. Тем не менее большая часть либерального правительства, да и сам король Эдуард VII руководствовались прежде всего трезвым расчетом и не собирались сломя голову кидаться в военную авантюру.

Официальный Лондон решил проявить готовность к переговорам по флоту [39, с. 84–85] с тем, чтобы мирным путем решить «германскую морскую проблему». Однако предпринимавшиеся летом 1908 г. попытки вначале на приватном уровне [40], а затем и на государственном [16, с. 184–190; 34, с. 125–129; 41, с. 927; 42] добиться договоренности по морским вооружениям закончились неудачей [34, с. 154–155; 43; 44, с. 4–10]. Объяснение было простым: англичане затронули «святая святых» – германский закон о флоте, призывая кайзера если не остановить его выполнение, то хотя бы замедлить. Это, по мнению германского императора и его военно-морского статс-секретаря, было «святоотатством». Поэтому неудивительно, что они категорически отвергли такие поползновения англичан [45, с. 266], что сильно осложнило отношения между двумя странами. К концу лета 1908 г. Бюлов не скрывал своей озабоченности по поводу их состояния. Более того, в одном из своих посланий к кайзеру он даже говорил о возможности войны [34, с. 150–151], вероятность которой им оценивалась значительно выше, чем в 1904 г. Положение еще больше усугубило «безобидное» интервью, как характеризовал его лично Вильгельм II, которое он дал английской газете «Daily Telegraph» [46, с. 341]. Англичане расценили его иначе, увидев в нем проявление агрессивности немцев. На британских островах поднялась волна негодования [47, с. 144–145], но министр иностранных дел Грэй сделал все, чтобы ее несколько сбить. Однако он не исключал мысли о том, что немецкая сторона специально разыграла весь этот «спектакль», чтобы посеять смуту и раздор в английском обществе. Поэтому на высшем уровне благоразумно посчитали в такой ситуации привести «на всякий случай» флот в состояние боевой готовности [24, с. 36–37] и рассмотреть возможность осуществления десантной операции на континент [48, с. 444]. Страсти еще больше разожгло издание «Special Graphic», которое в своем выпуске 7 ноября 1908 г. представило широкой публике картину, где германские морские офицеры провозглашали тост за «the Great Day», т.е. за «Великий день», когда немцы сумеют оттеснить Великобританию от морей [16, с. 274]. Получалось, что британское руководство вполне серьезно считалось с возможностью начала интервенции на континент, даже не советуясь со своим союзником Францией [48, с. 444].

Устрашающий гром «боевых барабанов» британских властей был рассчитан как на англичан [30], так и на немцев. Причем нагнетание «антигерманских страстей» шло по восходящей линии. В конце 1908 г. этот процесс достиг довольно высокого уровня. Выступавший в конце ноября 1908 г. в палате лордов генерал Робертс говорил о готовности Германии высадить на британских островах десант в 150–200 тыс. солдат [49]. Лондонское издание «Quarterly Review» со своих страниц заявляло о 50 тыс. германских шпионов в городе, готовых его захватить по первому сигналу [16, с. 115–117; 49]. Произошла так называемая «коллективная истерия» [37, с. 543] усугубленная информацией о наращивании Германией темпов флотского строительства. Попытки германского военно-морского атташе в Лондоне В. Виденмана доказать английскому морскому министру Р. Маккене беспочвенность таких «страхов» оказались безуспешными [30]. Результатами искусственного нагнетания обстановки стали открыто звучащий в британской прессе [50, с. 22; 51, с. 75] клич к упреждающему удару по флоту немцев, а также требование увеличить флотскую программу на 1909/10 г. с 4 до 6 дредноутов [52, с. 678–679]. Эхо военных призывов, доносившихся с «туманного Альбиона», достигло Берлина и внесло определенный «раскол» в ряды германского правительства относительно перспектив отечественного флотского строительства. Уже в августе 1908 г. рейхсканцлер, в том числе и с подачи Меттерниха, начал выступать за сужение флотской программы до пределов укрепления береговой линии, строительства миноносцев, подводных лодок [38], что вызывало самое резкое неприятие со стороны Тирпица и Вильгельма II. Однако непрекращающиеся «психические атаки» с английской стороны давали свои результаты. В конце 1908 г. Бюлов под их впечатлением уже в открытую говорил о необходимости изменить флотскую политику, чтобы не допустить войны с британцами [53, с. 307]. Синдром «военной паники» охватил не только рейхсканцлера, но даже В. Виденмана, германского военно-морского атташе в Лондоне, который всегда считался «человеком Тирпица». В одном из посланий своему шефу он констатировал, что главная причина натянутых германо-английских отношений является не торговое соперничество, как считал Тирпиц, а «наше флотское вооружение» [50, с. 171]. Тем не менее военно-морской статс-секретарь оставался непреклонным. 4 января 1909 г. Тирпиц отправил имперскому канцлеру подробное письмо, в котором выразил свою точку зрения на морские «инициативы Бюлова-Меттерниха». По глубокому убеждению главы военно-морского ведомства, замедление флотской программы будет расценено в стране как унижение, как уступка угрозам со стороны англичан. Кроме того, эта мера не уменьшит, а наоборот, увеличит опасность войны [50, с. 53]. По его мнению, война в 1909 г.

произойдет только в том случае, «если Германия примет чрезвычайные шаги по закладке кораблей и по формированию новых экипажей, а это в его ведомстве не планируется» [50, с. 55].

Визит в Берлин 9–12 февраля 1909 г. английской делегации во главе с Эдуардом VII лишь на некоторое время внешне снял напряжение между государствами [54, с. 486–487], но не решил проблему военно-морского соперничества. Тем более, что «морская тема» не стояла в центре переговоров. Такое своеобразное ее «замалчивание» было обусловлено не желанием сторон вновь обострять обстановку. Поэтому Бюлов даже не пригласил Тирпица к участию в обмене мнений, так как в тот период морской министр выдвигал неприемлемую для англичан формулу флотского соглашения на принципе «3: 4» [55, с. 117]. Внешне радужное настроение от переговоров, в котором пребывали кайзер, Бюлов и Эдуард VII, разделяли далеко не все чиновники британского и германского внешнеполитических ведомств. Один из главных переговорщиков с английской стороны Ч. Гардинг, например, писал, что «пока существует вопрос флотского вооружения нормальные отношения между Германией и Англией недостижимы» [50, с. 91]. Германский советник иностранного ведомства фон Буше-Хадденхаузен отмечал 19 февраля 1909 г., что «несмотря на благоприятное впечатление от визита германо-английские отношения ухудшатся, как только в британский парламент будет внесен новый флотский проект». Поэтому он рекомендовал как можно скорее прийти к соглашению по флоту, используя благоприятную ситуацию [50, с. 91–92].

Понятно, что обеспокоенность англичан нерешенностью флотской проблемы не могла долго оставаться в латентном состоянии. 26 февраля 1909 г. «Times» опубликовала статью, в которой говорилось о нарушении Германией флотского закона путем превышения числа строящихся кораблей [30]. Несмотря на все усилия германского посла Меттерниха [50, с. 102–103] и военно-морского атташе Виденмана, который лично объяснял первому лорду Адмиралтейства Фишеру надуманность и ошибочность подобного заявления [30], британские власти все равно запустили уже налаженный в предыдущие годы механизм «морской паники». Она имела искусственный характер [24, с. 45] и приняла масштаб «национальной истерии» [14, с. 156]. В результате, вместо ранее планированных 6 дредноутов на 1909/10 г. было утверждено строительство 8 линейных кораблей [56, с. 183]. Фактически англичане строили 9 дредноутов, так как один корабль создавался на средства Новой Зеландии [57, с. 131].

29 марта 1909 г. министр иностранных дел Э. Грэй, выступая перед депутатами нижней палаты, подчеркнул, что острота морской проблемы будет снята, если Германия сделает первый шаг к сокращению своего флота [50, с. 139–141]. При этом он пред-

ложил в очередной раз обсудить вопрос об обмене информации о строящихся судах. Это предложение в категорической форме было отвергнуто кайзером и Тирпицем, поскольку в Берлине считали унизительным принимать это предложение после того, как официальный Лондон принципиально не захотел слушать доводы германской стороны в период «морской паники» относительно отсутствия каких-либо нарушений в исполнении германского флотского закона [48, с. 444–445]. В очередной раз получалось, что в трудном двухстороннем германо-английском морском вопросе британские власти диктовали свои условия Берлину. До конца своего рейхсканцлерства Булоу так и не удалось даже подступить к решению флотской проблемы, и она «по наследству» перешла к его приемнику Т. Бетман-Гольвегу. Теперь уже ему приходилось ломать голову над «квадратурой круга» германо-британского морского соперничества: как обеспечить развитие германского флота и при этом избежать преждевременного военного столкновения. Правда, на протяжении всего 1910 г. найти какое-то приемлемое решение ему так и не удалось, хотя делались попытки добиться соглашения об обмене информацией о строящихся судах, но безуспешно [58, с. 69–74].

Очередное серьезное обострение германо-британских отношений пришлось на конец лета-начало осени 1911 г., когда произошел Агадирский кризис, вызванный колониальными противоречиями Берлина и Парижа в Африке [59, с. 704–705]. В начавшемся германо-французском противостоянии Лондон однозначно занял позицию Парижа. Причем британские политические и военно-морские руководители считали, что действия немецкой стороны продиктованы не столько желанием получить от французов колониальные компенсации, сколько закрепиться в Агадире и превратить этот морской порт на Атлантике «во второй Гельголанд» [47, с. 239]. В стратегической перспективе военно-морскую акцию Германии и последующее давление на Францию англичане расценили как попытку немцев унизить французов и тем самым разрушить Антанту. Это, в свою очередь, как считали в Форин Оффисе, неизбежно привело бы к нарушению равновесия сил в Европе [60, с. 126]. Поэтому вполне объяснима резкость суждений по поводу конфликта, которые стали доноситься с берегов Темзы. Вначале такую тональность задавала пресса [47, с. 240], а затем ее подхватили и официальные лица. 21 июля 1911 г. руководитель финансового ведомства Д. Ллойд Джордж, с одобрения премьер-министра Г. Асквита и министра иностранных дел Э. Грэй [61, с. 224], выступил с речью в Мэншн-хаузе. В ней недвусмысленно было сказано, что Великобритания не позволит изменить существующее положение по колониям без ее участия [59, с. 709]. Это заявление, с одной стороны, охладило желание французских по-

литиков идти на уступки немцам, а, с другой стороны, однозначно дало понять Берлину решительную настроенность англичан, вплоть до военных действий, к отстаиванию *status quo* на Африканском и Европейском континентах.

Выступление Ллойд Джорджа, который всегда слыл пацифистом и сторонником англо-германской флотской договоренности [34, с. 139–143], Вильгельм II и его окружение восприняли не только как официальную позицию британского кабинета министров [62, с. 213–214], но и как неприкрытую угрозу стране и немецкому народу [62, с. 206–209]. Таким образом, вопреки ожиданиям высших берлинских гражданских чинов, марокканский конфликт выходил за рамки германо-французских отношений [1, с. 493–499]. Германский посол в Лондоне Меттерних выразил Грэй резкое недовольство своего правительства содержанием речи Ллойд Джорджа, что было расценено главой британского министерства иностранных дел как открытая угроза военного нападения [47, с. 241]. В прессе «туманного Альбиона» началась мощная антинемецкая кампания, и в очередной раз привычно зазвучали призывы к началу боевых действий против Германии. Ситуация еще больше усугубилась, когда на британских островах стало известно о том, что в прибрежных водах Норвегии начали концентрироваться германские военные суда [63, с. 1020]. Этот сбор германских кораблей был вызван намерением кайзера Вильгельма II совершить очередное, ежегодное «северное путешествие» в сопровождении части судов флота открытого моря и прибыть в норвежский порт Молде, куда с «визитом вежливости» должны были прийти и английские корабли. С учетом нараставшего напряжения по обе стороны пролива и с целью недопущения возможного морского столкновения в период с 14 по 22 июля 1911 г. иностранные ведомства двух государств вели активные переговоры о том, чтобы развести по разные стороны германский и британский флоты [63, с. 1015–1020].

Между тем английские издания «накручивали страсти» по поводу вероятных и неожиданных с военной точки зрения действий германских кораблей. По данным, которые имелись у лондонской «The Times» на 21 июля 1911 г., немцы сконцентрировали в Северном море 16 линейных судов и 4 больших броненосных крейсера, месторасположение которых не было точно неизвестно [47, с. 241], что порождало определенную нервозность даже среди чинов Адмиралтейства [55, с. 198]. Постепенно накалявшаяся обстановка начинала напоминать ситуацию конца 1908 г. В этой связи вполне понятны превентивные действия, которые предпринял глава Форин Оффиса. 24 и 25 июля 1911 г. Грэй в своих посланиях к морскому министру Р. Маккене отмечал большую вероятность нападения германского флота на британский и просил его провести соответствующие подготовительные

мероприятия [63, с. 1021; 62, с. 219]. В целях безопасности 26 июля 1911 г. планируемый «визит вежливости» британских кораблей в Швецию и Норвегию был отменен [63, с. 1021], а флот приведен в боевую готовность [62, с. 219] с тем, чтобы при необходимости дать решительное сражение немцам в Северном море. Издание Бергена передало сообщение английского Ллойда о том, что безопасность на море может быть обеспечена только на 15 дней [62, с. 219]. Все это только усиливало подозрительность и нервозность в германо-британских отношениях. Не внесло полного успокоения и заявление английского посла в Берлине Э. Гошена, сделанное им 26 июля 1911 г. В нем говорилось, что «домашнее стояние» британского флота не связано с событиями в Марокко, а вызвано оно «служебно-техническими причинами» [62, с. 219]. Хотя кайзер и отправился в свое ежегодное «северное путешествие» [62, с. 219], но начальник его военно-морского кабинета адмирал Г.А. Мюллер был срочно вызван из отпуска, чтобы контролировать ситуацию [64, с. 89]. В Германии «правые издания» в ответ на антигерманские выступления на Британских островах повели собственную атаку на британскую политику. Для военно-морского статс-секретаря А. Тирпица такая «взвинченная обстановка» была как нельзя кстати. Он хотел ее использовать, чтобы добиться новой цели – принять очередную флотскую новеллу, которая узаконила бы так называемый трехтактный темп [4, с. 189] военного судостроения после 1911 г. Именно начиная с 1912 г. в соответствии с новеллой 1908 г. темп военного судостроения должен был снизиться до двух кораблей в год [24, с. 94; 35, с. 194]. Однако это намерение военно-морского министра не вписывалось в стратегию рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега, который с самого начала своего канцлерства стремился не обострять отношения с англичанами. Более того, глава правительства, как известно, желал подписать с ними политическое соглашение о нейтралитете, чтобы обеспечить тылы для германской «мировой политики» [65, с. 246–252]. Однако складывающаяся ситуация этому явно не благоприятствовала. Напротив, она грозила вылиться в самое худшее, что тогда могло случиться, – в войну. О такой возможности говорили сообщения Меттерниха из Лондона. 3 августа 1911 г. он писал рейхсканцлеру, что угрозы англичан не являются пустыми словами. По имеющимся у него данным британцы могут в течение 14 дней высадить на французском или бельгийском побережье до 90 тыс. солдат [62, с. 225–226; 63, с. 1025]. По предварительному плану, который был составлен еще в июле 1909 г. подкомитетом Committee of Imperial Defense, англичане готовы были оказать французам военную помощь в случае неспровоцированного нападения на них немцев, в размере 6-ти пехотных дивизий и кавалерии общей численностью 160 тыс. чел. Кайзер серьезно воспринял информацию своего

посла. Поэтому его возмущение действиям Лондона по нагнетанию обстановки, которое он выразил послу Гошену в беседе, состоявшейся между ними 12 августа 1911 г., было неподдельным [62, с. 228–230]. На этой же встрече было заявлено о намерении германского руководства принять новую флотскую новеллу, предусматривающую увеличение флота, прежде всего за счет постройки дополнительных крейсеров. За несколько дней до этого, 3 августа 1911 г., Тирпиц в письме к своему заместителю вице-адмиралу Э. Капелле отмечал, что действенным ответом на угрозы англичан может стать только усиление германского флота через утверждение нового флотского документа. В другом послании, датированном 12 августа 1911 г., он, ссылаясь на неготовность германского флота к войне и на ненадежность союзных Австро-Венгрии и Италии, вновь подчеркивал политическую и военную значимость принятия флотской новеллы, чтобы в будущем не допустить подобных притеснений, «которые Германия переживает в настоящий момент» [66, с. 88].

В августе 1911 г. английская пресса уже во всю обсуждала возможные негативные последствия изменения Германией флотского закона для германо-британских отношений. Перспективы их развития с учетом нерешенного на тот момент германо-французского противостояния из-за Марокко были не радужными. Однако ни кайзера, ни Тирпица это нисколько не пугало, а, напротив, укрепляло в желании добиться поставленной цели. Глава военно-морского ведомства прямо говорил, что если англичане захотят им запретить принятие флотской новеллы, то это будет основанием для войны, и каждый в Германии воспримет это с пониманием, а дальше «все будет по воле судьбы».

19 августа 1911 г. Меттерних предупреждал Бетман-Гольвега, что обстановка будет «тяжелой», если Берлин не договорится с Парижем [62, с. 232]. При этом сами британские власти на тот момент серьезно считались с угрозой германского нападения, поэтому они предприняли меры по прекращению забастовки угольщиков и железнодорожников, чтобы усилить обороноспособность страны [62, с. 234–236], провели мобилизационные мероприятия [62, с. 279]. Ситуация усугублялась еще и тем, что, по утверждению английского морского атташе в Вене Стюарта, в тот период военно-морские корабли не могли быть обеспечены достаточным количеством угля, что, несомненно, затруднило бы их действия в случае германской атаки на британское побережье [62, с. 277]. В подготовительных действиях Лондона один из сотрудников министерства иностранных дел Германии В. Штумм увидел больше оборонительную направленность, чем наступательную [62, с. 280]. Такой же оценки придерживался и глава ведомства А. Кидерлен-Вэхтер [62, с. 290], пытаясь доказать,

что англичане блефуют, пугая Германию войной. Напротив, донесения германского морского атташе в Лондоне В. Виденмана говорили об обратном. Начальник германского штаба Адмиралтейства вице-адмирал А. Хееринг также считал, что британцы готовятся к нападению [62, с. 287]. 23 августа 1911 г. в Лондоне состоялось закрытое совещание Committee of Imperial Defense, созданное премьер-министром Г. Асквитом [67, с. 99–101]. В нем наряду с гражданскими министрами участвовали высшие чины сухопутных и морских сил, обсуждался вопрос о трехкратном усилении экспедиционного корпуса (до 290 тыс. чел.), который планировался для высадки на материковую часть. Хотя единого мнения достичь не удалось [68, с. 225–234], но было принято решение об усилении деятельности военных и военно-морских учреждений [69, с. 64].

Воинственность англичан разозлила Вильгельма, всегда возмущавшегося их открытым давлением. Поэтому, выступая 27 августа 1911 г. в Гамбурге, он беспартийно заявил, что Германия и дальше будет усиливать собственный флот, «никто не сможет оспорить причитающееся нам место под солнцем» [64, с. 92]. Немецкие газеты, как, впрочем, и британские издания [70, с. 3–5] поняли это как намек на принятие в ближайшее время новой флотской новеллы. Получалось, что, не решив пока еще марокканскую проблему, из-за чего возникли серьезные трения с Лондоном, Берлин создавал дополнительную коллизию, еще более усугубляющую германо-британские отношения. Усилению напряженности между двумя сторонами способствовало и скандальное интервью английского посла в Вене Картрайта. Оно было опубликовано 25 августа 1911 г. в газете «Neuen Freien Presse», в нем содержались очень резкие выпады против германской политики в Марокко [62, с. 237–244].

Неудивительно, что в обстановке постоянных разговоров о возможной войне кайзер в начале сентября 1911 г. обсудил с Тирпицем и Бетман-Гольвегом перспективы принятия флотской новеллы [71], а затем провел обстоятельный разговор с начальником флота Открытого моря гросс-адмиралом Х. Хольтцендорфом, в котором рассматривался вопрос морской войны с британцами. После его завершения Хольтцендорф заявил Мюллеру, что Вильгельм II хочет погубить свое детище – флот. Прежде чем начинать войну с Англией, по его глубокому убеждению, «необходимо завершить внутреннее строительство флота» [64, с. 91]. Такого же мнения был начальник штаба Адмиралтейства вице-адмирал А. Хееринг и руководитель военно-морского кабинета Мюллер. Этот «триумvirат» военных, к которым присоединился и рейхсканцлер, убедили кайзера отказаться от его безумной идеи немедленно начать воевать с Великобританией. Более того, даже ряд мер по повышению готовности германского флота, предложенных Хе-

рингеном, Бетман-Гольвег считал «излишними и нежелательными» [62, с. 279]. Главе германского правительства надо было думать еще об успокоении общественности, находившейся в состоянии военного возбуждения. По сообщению британского военно-морского атташе в Берлине Х. Уотсона, немцы в сентябрьские дни 1911 г. заявляли, что они «возьмут небольшой остров (имелись в виду Британские острова. – С.С.) в течение трех или четырех лет» [16, с. 646]. Воинственный настрой германского обывателя отмечал в своих донесениях и английский посол Гошен. Большинство населения, по его мнению, за исключением только сторонников социал-демократов, требовали от правительства ответных мер на все военные приготовления Лондона [16, с. 660]. Однако время для решительных действий, по мнению прежде всего Тирпица и Бетман-Гольвега, еще не пришло, поэтому следовало искать примирительного решения возникшего опасного напряжения в германо-английских отношениях вследствие столкновения немецких и французских интересов в Марокко. Тем более, что настроенность британцев поддержать французов вплоть до применения силы подтверждалась сентябрьскими донесениями Меттерниха [63, с. 1034] и германского военного атташе Остертага [3, с. 194].

В конце сентября 1911 г. британский король Георг V, который всегда отличался от своих министров сдержанностью, в разговоре с Меттернихом прямо заявил, что в случае, если между немцами и французами начнется война, то его страна займет сторону Франции [62, с. 245]. Эту же мысль почти через месяц подтвердил британский военный министр Р.Б. Холден [62, с. 249]. О неизбежности и близости войны в Англии много говорили и в первых числах ноября 1911 г., прогнозируя ее развязывание к началу 1912 г. [62, с. 252]. Правда, подобные заявления в этот момент уже больше делались из политических соображений, чтобы оказывать давление на Германию. В конце октября 1911 г. в Лондоне уже были полностью уверены в невозможности нападения Германии на Британские острова ввиду позиции Тирпица, занятой им по этому вопросу. Военно-морской статс-секретарь считал, что германский флот вплоть до 1915 г. не будет готов к полноценным военным действиям, поэтому реальным сроком начала войны в британском морском ведомстве считали 1915 г. [63, с. 1046–1047].

Заключенное под мощным давлением англичан 4 ноября 1911 г. соглашение между Германией и Францией по Марокко позволило не довести дело до войны. Однако одна из определяющих причин германо-британского противостояния – военно-морское соперничество двух стран – не была устранена. Поэтому вопрос войны между государствами являлся вопросом самого ближайшего времени. Об этом говорила логика развития их отношений в предшествующий период. В так называемый додредноутный период военно-

морского развития государства пережили всего один серьезный кризис, который мог привести к военной развязке, – 1904–1905 гг. После 1906 г., когда началась открытая гонка морских вооружений, частота их повторений значительно возросла – 1907, 1908, 1909, 1911 гг. Все свидетельствовало о труднопреодолимых противоречиях между двумя странами и прежде всего по флотской проблеме. Однако их разрешение должно было рано или поздно наступить в самой жесткой

форме – войне. Ее начало отодвигалось еще и из-за незавершенности строительства флотов Германии и Великобритании. После неудачной миссии британского военного министра Холдена в Берлин в феврале 1912 г. [72, с. 118–123] и принятия Германией в мае 1912 г. очередной флотской новеллы, усилившей германский флот новой третьей эскадрой линейных кораблей [73, с. 108–109] «точка невозврата» была пройдена. Лондон и Берлин взяли прямой курс на войну.

Библиографический список

1. Хальгартен, Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны / Г. Хальгартен. – М., 1961.
2. Увеличение германского флота. Неофициальный отдел // Морской сборник. – 1901. – №8.
3. Widenmann, W. Marine-Atlas an der kaiserlich – deutschen Botschaft in London. 1907–1912 / W. Widenmann. – Göttingen, 1952.
4. Berghahn, V.R. Der Tirpitz – Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II / V.R. Berghahn. – Düsseldorf, 1971.
5. Туполев, Б.М. Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы / Б.М. Туполев // Новая и новейшая история. – 1982. – №3–4.
6. Bülow, B. Denkwürdigkeiten. Bd. 1 / B. Bülow. – Berlin, 1930.
7. Торопцев, А. Мировая история войн / А. Торопцев. – М., 2005.
8. Доступна ли Англия неприятельскому вторжению. Неофициальный отдел // Морской сборник. – 1903. – №2.
9. Английская морская смета на 1900/01 г. Неофициальный отдел // Морской сборник. – 1900. – №5.
10. Английская морская смета на 1903/04 г. Неофициальный отдел // Морской сборник. – 1903. – №4.
11. Шилов, С.П. Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897–1914 гг. / С.П. Шилов. – Тюмень, 2004.
12. Steinberg, J. Der «Kopengagen-Komplex» / J. Steinberg // Kriegsausbruch 1914, deutsche Ausgabe des «Journal of Contemporary History». Н. 3. – München, 1967.
13. Steiner, Z. Britain and the Origins of the First World War / Z. Steiner. – L., 1977.
14. Wormer, K. Großbritannien, Rußland und Deutschland – Studien zur britischen Weltreichpolitik am Vorabend des Ersten Weltkriegs / K. Wormer. – München, 1980.
15. Mackay R.F. Fisher of Kilverstone / R.F. Mackay. – Oxford, 1973.
16. British Documents on the Origins of the War. 1898–1914. – L., 1967. – Vol. 6.
17. Шаццлло, К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914) / К.Ф. Шаццлло. – М., 1968.
18. Ерусалимский, А.С. Дипломатическая подготовка мировой войны 1914–1918 годов // Ерусалимский А.С. Германский империализм: история современность (Исследования, публицистика). – М., 1964.
19. Vercoe, G.A. Britain's Fighting Fleets / G.A. Vercoe. – L., 1935.
20. Massie, R. Die Schalen des Zorns. Grossbritannien, Deutschland und das Heraufziehen des Ersten Weltkriegs / R. Massie. – Frankfurt am Main, 1993.
21. Лихарев, Д.В. Адмирал Дэвид Битти. История британского флота в конце XIX – начале XX вв. / Д.В. Лихарев. – СПб., 1997.
22. Сила флотов главных морских держав. Морская хроника // Морской сборник. – 1905. – №8.
23. Kaulisch, B. Alfred Tirpitz und die imperialistische Flottenrüstung / B. Kaulisch. – B., 1982.
24. Epkenhans, M. Die wilhelmische Flottenrüstung. 1908–1914. Weltmachtstreben, industrieller Fortschritt, soziale integration / M. Epkenhans. – München, 1991.
25. Mommsen, W.J. Zeitalter des Imperialismus / W.J. Mommsen. – Frankfurt am Main, 1969.
26. Uhle-Wettler, F. Alfred Tirpitz in seiner Zeit / F. Uhle-Wettler. – Hamburg ; B. ; Bonn, 1998.
27. Доценко, В.Д. История военно-морского искусства. Т. 1: Вооружения и теории / В.Д. Доценко. – М., 2005.
28. Hobson, R. Imperialism at Sea. Naval Strategic Thought, the Ideology of Sea Power and the Tirpitz – Plan. 1875–1914 / R. Hobson ; Boston, 2002.
29. British Documents on the Origins of the War. 1898–1914. Vol. 3. – L., 1927–1938.
30. BA–MA. RM 3/2974.
31. Politische Archiv. 5776.
32. Dulfner, J. Regeln gegen den Krieg ? Die Haager Friedenskonferenzen von 1899 u. 1907 in der internationalen Politik / J. Dulfner. – Berlin ; Frankfurt am Main ; Wien, 1981.
33. Синегубов, С.Н. Германо-английские военно-морские противоречия и проблема разоружения в 1906–1907 гг. / С.Н. Синегубов // Альманах современной науки и образования. – 2008. – №6(13).
34. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 24. – B., 1927.
35. Mantey, D. Deutsche Marinegeschichte / D. Mantey. – Charlottenburg, 1926.
36. Тирпиц, А. Воспоминания / А. Тирпиц. – М., 1957.
37. Marder A. The anatomy of British seapower - A history of British naval policy in the preDreadnought era 1880–1905 / A. Marder. – N. Y., 1940.
38. BA–MA. RM 3/8.
39. Сокольская, Н.Ф. Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия конца XIX – начала XX века / Н.Ф. Сокольская // Ежегодник германской истории. 1986. – М., 1987.
40. BA–MA. RM 3/41.

41. Zur Europäischen Politik 1897– 1914. Bd. 3. – В., 1919.
42. BA–MA. RM 3/9720.
43. BA–MA. RM 2/1762.
44. BA–MA. Freiburg, Nachlaß Tirpitz .№253/54.
45. Fischer F. Neutralität Englands als Ziel deutscher Politik. 1908/09–1914. Von der freien Gemeinde zum föderalistischen Europa / F. Fischer. – West Berlin, 1983.
46. Бюлов, Б. Воспоминания / Б. Бюлов. – М. ; Л., 1935.
47. Marder, A. From the Dreadnought to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fischer Era, 1904–1919. Vol. 1 / A. Marder. – L., 1961.
48. Kennedy, P.M. The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860–1914 / P.M. Kennedy. – L., 1982 .
49. BA–MA. RM 3/2792.
50. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 28. – В., 1927.
51. Bacon, R. The Life of Lord Fisher of Kilverstone. Vol. 2 / R. Bacon. – L., 1929.
52. Lee, S. King Edward VII : A Biography. Vol. 2 / S. Lee. – L., 1927.
53. Becker, W. Bülow kontra Tirpitz. Ein Beitrag zu den Kontroversen über die deutsche Flottenpolitik / W. Becker // Zeitschrift für Politik. – 1926. – Н. 4.
54. Макдоно, Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый / Дж. Макдоно. – М., 2004.
55. Tirpitz, A. Politische Dokumente. Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Bd. 1 / A. Tirpitz. – Stuttgart, 1924.
56. Лихарев, Д.В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота / Д.В. Лихарев. – Владивосток, 1993.
57. История Первой мировой войны. 1914–1918. – М., 1975. – Т. 1.
58. Синегубов, С.Н. Проблема договора об обмене информации о строящихся военно-морских судах в германо-английских отношениях 1909–1912 гг. / С.Н. Синегубов // Научное обозрение. – 2007. – №6.
59. Хвостов, В.М. История дипломатии / В.М. Хвостов. – М., 1963. – Т. 2.
60. Fischer, F. Krieg der Illusion. Die deutsche Politik von 1911–1914 / F. Fischer. – Königstein, 1978.
61. Grey E. 25 Jahre Politik 1892–1916. Bd. 1 / E. Grey. – München, 1926.
62. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 29. – В., 1927.
63. Die Britische amtlichen Documente über Ursprung des Weltkrieges. 1890–1914. Bd. 7. Halband. 2. – В. ; Leipzig, 1932.
64. Der Kaiser... Aufzeichnungen des Chefs des Varinekabinetts Admiral Georg Alexander v. Müller über die Ära Wilhelms II. – В., 1965.
65. Синегубов, С.Н. Начало канцлерства Бетман-Гольвега и попытка заключения германо-английского флотского соглашения (июль–ноябрь 1909 г.) / С.Н. Синегубов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – №11(66).
66. Salewski, M. Tirpitz: Aufstieg–Macht–Scheitern / M. Salewski. – Göttingen, 1979.
67. Wilson, H. Life and Diaries. Vol. 1 / H. Wilson. – L., 1927.
68. Haldane, R.B. Autobiography / R.B. Haldane. – L., 1929.
69. Churchill, W.S. The World Crisis 1911–1918. Vol. 1 / W.S. Churchill. – L., 1938.
70. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 31. – В., 1927.
71. BA– MA. RM 3/6681.
72. Синегубов, С.Н. Миссия британского военного министра Холдена в Берлин в феврале 1912 г. и неудавшаяся попытка заключения германо-английского морского соглашения / С.Н. Синегубов // Тюменский ист. сб. – Тюмень, 2007. – Вып. 10.
73. Hubatsch, W. Die Ära Tirpitz. Studien zur deutschen Marinepolitik. 1890–1918 / W. Hubatsch. – Göttingen, 1955.